

ии. Первостепенный интерес представляет раздел, посвященный ритмической и звуковой организации таджикских пословиц. Проведенный анализ выявил богатство метры; при явном преобладании квантитативной метрической системы (аруз) и силлабической, Тилавов нашел в пословицах метры, близкие к силлабическим и тоническим. Собственно народные пословицы, написанные арузом, как показывает автор, отеют к самым простым, преимущественно исконно иранским размерам: рамалю, аккарибу, рубан. Тилавов прослеживает также своеобразие рифмовки в пословице, не зависящей от графики и носящей исключительно звуковой характер, приемы ифа (рефрена), аллитерации и консонанса. Этот небольшой раздел (стр. 62—74) представляет собой новое слово в таджикской фольклористике, а может быть, и в анском литературоведении.

Особыми художественными приемами, широко применяемыми в народных пословицах, Б. Тилавов считает поэтический образ, эпитет, сравнение, метафору, олицетворение, гиперболу, иронию, параллелизм, детально рассматривая каждый из этих приемов. Здесь мы также обязаны автору многими интересными наблюдениями. Тилавов показывает, что естественное, как сама природа, поэтическое мастерство народа закономерно образом проявилось и в выборе литературно-художественных средств.

Образ, составляющий центральный элемент пословичной поэтики, носит чисто эпитетный, конкретно зримый характер. Застывшие образы, столь характерные для других литературных жанров, так же как и неизменно повторяющиеся эпитеты типа *ахи тобон* (ясный месяц), *сарви равон* (стройный кипарис), почти не встречаются в народных пословицах. Стремление к максимальному лаконизму, заложенное в самой специфике пословичного жанра, обуславливает употребление неполных сравнений: называется только предмет и образ с опущением признака сравнения и связующего слова, например: *Ба ош пайша нашав* — «Не будь мухой над пищей». Пословица избегает употребления сложных метафор (*истиораи пйшида*) типа *пои ақл* («нога разума»), *ласти сабр* («рука терпения»), как и вообще чисто риторических фигур (*санъатҳои мтизом*), выработанных классической риторикой персидско-таджикского стиха в целях нарочитой демонстрации версификаторского техницизма.

Работа Б. Тилавова насыщена иллюстративным материалом; пословицы, подкрепляющие авторское изложение, сопровождаются толкованием, русским переводом и часто эквивалентом. Все это делает книгу полезной для многих специалистов по иноязычному фольклору.

З. Н. Ворожейкина

«Орочские сказки и мифы» (составители — В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева). Новосибирск, 1966, 233 стр.

Рецензируемая книга — начало трилогии, задуманной авторами. Во второй том войдут остальные фольклорные материалы по орочам вместе с орочско-русским словарем, а третий том должен представлять собой монографию, посвященную фонетике и грамматике орочского языка. В ней, как указывают авторы, будет сделана попытка решить вопрос о месте орочского языка среди генетически родственных ему тунгусо-маньчжурских языков (стр. 3).

Перед нами фактически первая научная публикация фольклора орочей — одного из интереснейших малых народов Дальнего Востока. Орочей всего около 500 чел. В основном они сосредоточены в бассейне р. Тумнин в Советском районе Хабаровского края. По характеру традиционной культуры орочи — пешие охотники и рыболовы. Ныне они работают в кооперативно-промысловых хозяйствах, рыболовческих колхозах и различных учреждениях.

По вопросу о происхождении орочей нет единой точки зрения. Поэтому публикация орочского фольклора представляется важной не только для лингвистов, но также для историков и этнографов: это новый и притом достаточно достоверный, документированный источник истории бесписьменного народа.

До В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой сборником и публикацией орочского фольклора мало кто занимался. Три небольших текста на орочском языке были в свое время приложены к статье В. И. Цинциус «Очерк морфологии орочского языка»¹; шесть сказок, пять молитв и одно шаманское заклинание, переведенные с орочского на английский, были опубликованы в 1957 г. в Швейцарии И. А. Лопатиным, сделавшим свои записи в 1924 г. Несовершенство самой записи и неточности перевода лишают эту публикацию научной значимости.

Рецензируемая книга состоит из предисловия и введения, справки о транскрипции орочского языка, самих фольклорных текстов, комментариев к ним, а также сведений о текстах и сказителях. Фольклорный материал разбит на восемь разделов: сказки о животных, бытовые сказки, героические сказки, родовые мифы и представления, тоте-

¹ «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1949, № 98.

мические мифы, космогонические мифы, мифы о духах-хозяевах природы и шаманские мифы. Ороцкий текст приведен параллельно с переводом на русский язык. Сборник содержит 58 произведений ороцкого фольклора.

Во введении даются общие сведения об орочах — их численности, расселении, самоназвании и названиях, а также о самом «объеме этнической единицы, именуемой орочами» (стр. 9). Это далеко не праздный вопрос, учитывая дискуссию, которая велась на эту тему исследователями вплоть до конца 1920-х годов. Достаточно сказать, что даже такой авторитет в области этнографии Дальнего Востока, как Л. И. Шренк, рассматривал орочей и удэгейцев как один народ. До сих пор русские старожилы Приморья не отделяют один народ от другого, именуя удэгейцев и орочей «ороченами». Во введении затронуты также важные для истории орочей вопросы об их происхождении и о существовании у них в прошлом оленеводства. Как известно, Л. Я. Штернберг считал орочей — по большинству составляющих их этнических компонентов — бывшими оленеводами, утратившими оленеводство. Составители книги придерживаются иного мнения: они полагают, что орочи «никогда не были оленеводами» (стр. 13). Это свое утверждение В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева основывают на том, что орочи с самого начала своего существования как особого народа уже не были оленеводами. Вероятно, это так и есть, однако вопрос об историческом сложении орочей как единого целого нуждается в специальной разработке, иначе трудно объяснить, почему они носят название, сближающее их с оленеводами — эвенками и эвенами (по-эвенкийски «орон» — домашний олень), и почему орочей до недавнего времени смешивали с их соседями — удэгейцами, в языке и культуре которых много следов былой связи с тунгусами.

Авторы высказываются в пользу того, что «единым самоназванием народности, во всяком случае, на протяжении последнего полувека, является *орочи*» (стр. 14). Действительно, утверждения отдельных авторов о том, что в прошлом у орочей существовало самоназвание *нани*, ныне не подтверждается свидетельствами самого населения. В 1967 г. нам лишь в одном случае удалось получить подтверждение этого факта. Одна орочка, живущая среди удэгейцев по р. Самарге, назвала себя *кяка*, т. е. применила по отношению к себе термин, употребляемый для орочей удэгейцами. Учитывая гетерогенность орочей, можно предполагать, что отдельные их группы могли называть себя по-разному. Поэтому заявление В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой, что «нет и никогда не было оснований именовать орочей *кэкар* и т. п.», нам кажется недостаточно аргументированным.

В изображении социальной структуры орочей авторы стоят на общераспространенной точке зрения, приписывающей многочисленным фамилиям орочей значение родовых названий. «Орочи, как мужчины, так и женщины, от рождения принадлежат к определенному роду», — пишут авторы. И далее: «Родовые названия употребляются теперь и как фамилии, сохраняя при этом свое первоначальное назначение. Поэтому среди орочей большое число однофамильцев» (стр. 14).

Действительно, у орочей много отдельных фамилий, но носители каждой из них весьма малочисленны. Наиболее распространенная фамилия *Акунка* в настоящее время охватывает не больше 20 семей и одиночек. Большинство современных ороцких фамилий ограничивается одной — двумя-тремя семьями или отдельными представителями. К таким фамилиям принадлежат *Ауканка*, *Бисянка*, *Быхинька*, *Эхэмушка* и др. Как правило, ороцкие фамилии образованы от названия местности, в которой селились орочи, и, по-видимому, представляют собой названия небольших территориальных подразделений прежних родов, названия которых, вероятно, не сохранились. После присоединения Приморского края к России численность орочей никогда не превышала 500 чел., и если считать каждую ороцкую фамилию родом, то окажется, что в среднем ороцкий род должен был состоять из 15—20 чел., что неестественно мало даже по сибирским масштабам.

Характеризуя ороцкий род, авторы введения называют два его основных признака — экзогамия и взаимопомощь (стр. 14). Однако в действительности экзогамия у орочей не ограничивалась «родом» (фамилией), а распространялась на целый ряд других «родов», образуя экзогамное объединение, *духа*. С точки зрения рода такое объединение трудно объяснить, и нигде в Сибири, кроме Амура и Приморья, не встречается. Характерна расплывчатость объединений этого типа. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева называют пять *духа* у орочей, а В. Г. Ларькин — шесть², причём их состав несколько иной. К этому нужно добавить, что в составе ороцких *духа* именуется также представители удэгейских, нанайских, ульчских и других фамилий. Таким образом, прерогативы рода у орочей в сущности ограничиваются одной «родовой взаимопомощью» (стр. 14), которую трудно отделять и отличать от взаимопомощи семейной, соседской и т. д.

Нам представляется правильным вывод авторов о том, что объединение типа *духа* образовалось путем дробления первоначальных родов (стр. 19). Однако мы думаем, что эти первоначальные роды распались не на дочерние роды, образующие «экзогамную фратрию», а на территориальные группы, о чем свидетельствуют их названия. К тому же дочерние отпочкования от старых родов становятся в конце концов самостоятельными экзогамными родами, а у орочей мы не наблюдаем этого.

² В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, стр. 75.

Предания орочей связывают происхождение ряда фамилий с расселением нескольких родных братьев. Сами орочи (как и удэгейцы) считают, что поводом для создания отношений *духа* служили браки на вдовах. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева характеризуют такие браки как левират (стр. 19). Но ведь левират допускается лишь в пределах одного рода, иначе он как общественный институт теряет свой смысл. Если это так, т. е. если мы сталкиваемся здесь со случаем левирата, то мы должны допустить, что оба мужа вдовы принадлежали к одному и тому же роду, хотя и носили разные фамилии. Данное обстоятельство лишней раз убеждает нас в том, что ороческие фамилии — это не отдельные роды, а группы в составе какого-то старого рода или родов.

Между тем сами орочи и удэгейцы дают иную трактовку бракам на вдовах. Поскольку дети женщины от разных мужей считались между собой братьями и сестрами, они не должны были вступать во взаимные браки и, хотя носили разные фамилии (от разных отцов), образовывали экзогамную группу *духа*. Таков смысл неоднократно дававшихся мне объяснений. Если признать эти объяснения достоверными, а у нас нет оснований не считать их таковыми, то концепция левирата отпадает, как отпадает и концепция «стадии разложения патриархально-родового строя» у орочей (стр. 14). Скорее это пережитки стадии перехода от материнской родовой организации к отцовской, когда родство еще считалось по женской линии, но дети уже принадлежали к роду отца.

Наличие у орочей в недавнем прошлом материнского рода подтверждается рядом других важных признаков, в том числе терминологией родства. В краткой рецензии мы, к сожалению, не можем на этом останавливаться подробно. Отметим только, что орочи терминологически выделяют младшего брата матери и наделяют его особыми функциями, чего не делается в отношении старших и младших братьев отца.

Тексты, приведенные в книге, безукоризненны по техническому и научному исполнению. Большую ценность для этнографа представляют родовые мифы и предания, в которых рассказывается о происхождении отдельных «родов». Фольклор ярко демонстрирует смешанное происхождение орочей. Так, в предании о «роде» Бисянка говорится, что «это люди, приехавшие с Сахалина. Когда Бисянки жили еще на Сахалине, неизвестно, кем они были — айнами или орочами» (стр. 179). В преданиях «рода» Еминка часто упоминаются встречи с эвенками (стр. 175—177).

Характерно «Старинное предание» из раздела «Космогонические мифы». Орочи представлены в нем как потомки одной пары, дети которой были отосланы отцом «в новое место, чтобы другой род получился. Стали они особым родом и тут же начали просить девочек со стороны, чтобы завести себе свойственников. После этого люди стали жить отдельными родами» (стр. 196).

Выход в свет книги «Ороческие сказки и мифы» — событие большого значения. Она содержит новый и интересный материал по истории и этнографии орочей, дает богатую пищу для размышлений. Изданная Сибирским отделением издательства «Наука» книга скромно, но красиво оформлена и может служить образцом для подобного рода изданий.

В. А. Туголуков

Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia. Budapest, 1968, 498 p., М.

Этот превосходно изданный и богато иллюстрированный том представляет собою перевод на английский язык книги под аналогичным названием¹, вышедшей на немецком языке в 1963 г. Английский перевод выполнен под наблюдением профессора Калифорнийского университета Стэфена П. Дана и его следует признать весьма совершенным. Единственным недостатком перевода являются некоторые расхождения в системе транслитерации имен собственных, принятой также в серийном издании «Переводы из русских источников» Арктического института Северной Америки, где тоже публикуется большое количество этнографических работ по Сибири.

Как следует из введения, написанного Б. Гунда, сборник посвящен памяти известного венгерского этнографа Антала Рэгули и подготовлен к столетию со дня его смерти. Этот выдающийся исследователь, отдавший жизнь изучению этнографии, языка и фольклора финно-угорских народов, не успел выполнить всей намеченной им программы, но его работы способствовали появлению в Венгрии плеяды блестящих фольклористов и этнографов, собравших ценный материал, преимущественно по обским уграм. С деятельностью Антала Рэгули знакомит читателя вводная статья Яноша Кодолана.

Сборник состоит из тридцати различных по объему статей. Среди авторов — девять ученых из Венгрии, пятнадцать из СССР, два из Швеции, один из ГДР и один из Чехословакии. Значительная часть статей содержит совершенно новые данные, собранные в результате полевых исследований. Особенно приятно отметить среди авторов молодых исследователей, выросших из среды тех самых народов Сибири, которые еще

¹ «Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker», Budapest, 1963.